

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/90-99

Научная статья

И. В. Пашкова

ПРИХОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О КРЕСТЬЯНАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматривается становление приходского летописания в Смоленской губернии в XIX веке, выявляются его характерные черты, такие как опора на опубликованные примеры, совмещение формализованной структуры и субъективной оценки авторов. На основе анализа приходских летописей Смоленской губернии, которые публиковались как историко-статистические описания приходо́в, выстраивается образ смоленского крестьянина с точки зрения приходского священника. Существовало два устойчивых образа — великоруса и белоруса, которые отличались между собой характером, образом жизни и внешним видом, что связывалось с этнической принадлежностью. Священники пытались объяснить особенности характера и быта природными, социально-историческими и культурными особенностями. В целом образ крестьянина наделялся положительными чертами, такими как благоразумие, рассудительность, нищелюбие, но в то же время отмечалось существование суеверий, пороков (таких как пьянство, сквернословие, воровство), семейных разделов.

Ключевые слова: приходские летописи, этническая идентичность, крестьяне, Смоленская губерния.

Ссылка при цитировании: Пашкова И. В. Приходские летописи как исторический источник о крестьянах Смоленской губернии // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 90–99.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/90-99

Original Article

© *Irina Pashkova*

PARISH CHRONICLES AS A HISTORICAL SOURCE ABOUT THE PEASANTS OF THE SMOLENSK PROVINCE

The article examines the tradition of writing parish chronicles in the Smolensk province in the 19th century and reveals its characteristic features, such as reliance on published examples, the combination of a formalized structure and authors' subjective assessment. Based on the analysis of the parish chronicles, published as historical and statistical descriptions of parishes, the image of a Smolensk peasant

Пашкова Ирина Викторовна — научный сотрудник, ФГУБК «Музей Смоленская крепость» (214000 Смоленск, ул. Большая Советская, 30/11). Эл. почта: azal14@mail.ru

from the point of view of a parish priest is reconstructed. There were two stable images — a Great Russian and a Belarusian differing in personality, lifestyle and appearance, which were associated with ethnicity. The priests explained these differences by natural, socio-historical and cultural factors. In general, a peasant was seen as characterized by prudence, discretion and sympathy to the poor. At the same time, it was noted that superstitions, vices (such as drunkenness, foul language, theft), family breakdowns were common among them.

Keywords: *parish chronicles, ethnic identity, peasants, Smolensk province*

For Citation: Pashkova, I. V. 2022. Parish Chronicles as a Historical Source About the Peasants of the Smolensk Province. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 90–99.

Author Info: **Pashkova, Irina Viktorovna** — Researcher, Federal State Budgetary Institution of Culture “Museum of the Smolensk Fortress” (214000 Smolensk, Bolshaya Sovetskaya street, 30/11). E-mail: azal14@mail.ru

Церковно-приходские летописи являются важнейшими источниками при изучении истории епархии и ее населения. Сведения, содержащиеся в них, в комплексе с данными этнографических исследований дают возможность наиболее полно описать традиции и обычаи крестьянства Смоленщины в историческом прошлом. Приходские летописи и написанные на их основе историко-статистические описания приходов Смоленской губернии хранятся в Государственном архиве Смоленской области, значительная часть из них была опубликована на страницах газеты «Смоленские епархиальные ведомости». Именно эти материалы рассматриваются автором данной статьи.

История распространения церковно-приходского летописания в Смоленской епархии

Церковно-приходские летописи получили распространение в России с середины 60-х годов XIX века. В 1866 году Святейший Синод, опираясь на пример написания церковных летописей в Оренбургской епархии, обратился к епархиальным архиереям с предложением завести в своих епархиях приходские летописи (*Добренький* 2000: 358).

Активное написание приходских летописей в Смоленской епархии началось с 1869 года после того, как в «Смоленских епархиальных ведомостях» была опубликована программа их составления, перепечатанная с № 3 журнала «Руководство для сельских пастырей». Составитель программы прежде всего ответил на вопрос, зачем необходимо написание данных документов: «Без летописей мы не знали бы своей церковной и гражданской истории и не могли иметь ее» (Несколько слов 1869: 274). Внимание читателя обращалось на тот факт, что информация, содержащаяся в летописях, будет полезна не только причту церкви и приходу, но и исследователям русской церкви и государства: «Свод исторических сведений о приходских церквях той или другой епархии может весьма много содействовать к прояснению исторических судеб всей церкви отечественной, а частью и всего народа» (Там же 1869: 275).

Предлагался следующий план составления летописи: 1) история храма и прихода; 2) о причте; 3) описание прихода. В описании прихода рекомендовалось обра-

тить внимание на такие особенности жизни населения, как степень усердия жителей к церковному богослужению; случаи обращения их в раскол; расположение прихожан к взаимному вспоможению; степень их умственного и нравственного развития; грамотность, распространенные суеверия и предрассудки; занятия и промыслы жителей прихода; особенные события и явления природы в данной местности. В конце каждого года составителям летописи предписывалось делать вывод на основе статистических данных о движении населения (число родившихся, умерших, венчавшихся, бывших на исповеди и т. д.). Писать летопись рекомендовалось как можно яснее и проще, избегая нарочитой витиеватости, «таким языком и слогом, каким кто владеет и говорит» (Там же 1869: 281). Составителям летописи надлежало избегать оценок, писать объективно, однако скрыть субъективное мнение автору не всегда удавалось. Оно чувствуется в употребляемой лексике, в самом тоне записи. А. А. Миронова при анализе церковно-приходских летописей горнозаводской зоны Южного Урала приходит к заключению: «Летописец создает нарративную презентацию действительности, соединяя объективное представление (даты, место, источник информации, ссылка на документ, место его хранения, статистические данные) и субъективное восприятие (оценка)» (Миронова 2020: 81).

Священники выступали настоящими знатоками местности приходов, потому сбор исторических материалов часто возлагался на них. Священник А. Розанов в своих очерках писал: «Предполагается, например, в губернии издать «Сборник материалов для описания губернии», в который должны войти исторические очерки городов, сел, деревень, местностей, отдельные исторические эпизоды ... описания этнографические: описания народностей, расселения, быт, нравы, обычаи, одежда, занятия, верования... За всеми сведениями обращаются — к священникам» (Розанов 1882: 13). Высокую оценку знаниям священников о народном быте и хозяйстве дал смоленский помещик А. Н. Энгельгардт: «Кто хочет узнать, что представляет это, никому неизвестное, неразгаданное существо, которое называется мужиком, тот, не ограничиваясь собственным наблюдением, должен именно между попами искать необходимых для него сведений» (Энгельгардт 1956: 54).

Жизнь сельского священника протекала в крестьянской среде, по своему экономическому положению он мало чем отличался от крестьян, более того, в материальном плане он от них зависел. В то же время социальный статус священника был значительно выше, что требовало от него органично вписаться в крестьянское общество, «основной коммуникативный механизм которого строился по принципу «свой-чужой» (Леонтьева 2002). А. Розанов, перечисляя требования, предъявляемые обществом к священникам, проводит тем самым границу между духовным сословием и другими социальными группами населения, саркастично замечая: «Чтобы удовлетворять «требованиям современного общества» — крестьян, священник должен быть мужиком» (Розанов 1882: 7). Таким образом, приходские священники обладали уникальными знаниями о жизни своего прихода, однако взгляд священников на крестьян являлся внешней оценкой.

В качестве источников для исторической части летописей сельские священники использовали: 1) акты, ведомости и другие документы, хранившиеся непосредственно в церкви; 2) материалы, издававшиеся на страницах «Смоленских епархиальных ведомостей» специально для составления летописей; 3) собственные наблюдения; 4) местные предания и рассказы жителей.

На страницах «Смоленских епархиальных ведомостей» с 1870 года периодически публиковались обширные фрагменты летописей приходов под названием историко-статистических описаний. Содержание летописи, как правило, печаталось в нескольких номерах и представляло собой историческое описание прихода, его клира и населения. Для подтверждения своих слов летописцы приводили выписки из метрических книг, данные о доходах и расходах прихода, а также ссылались на другие статистические материалы. С 1870 года по 1902 год было опубликовано 41 историко-статистическое описание приходов. Все они, за исключением 4 летописей, освещающих историю городских церквей, описывают историю сельских приходов Смоленской губернии. Редакторы «Смоленских епархиальных ведомостей» стремились отобрать для публикации наиболее интересные летописи. Степень информативности летописи зависела от личности автора, уровня его образования и отношения к самой идее летописания.

При составлении характеристики населения сельские священники использовали типовой подход, который основывался не только на следовании инструкции, но и на опубликованном примере. Отпечатанные материалы служили образцом для тех приходов, которые только начинали вести свои летописи. Нередко шло заимствование не только самой схемы подачи информации, но и ее содержания. Весьма показательны зарисовки домашнего быта, сделанные в двух разных приходах Дорогобужского уезда и напечатанные в «Смоленских епархиальных ведомостях» с разрывом в 9 лет. Первый отрывок сделан священником Александром Конокотиным села Пушкина Дорогобужского уезда (*Конокотин* 1878: 533). Второй отрывок написан Александром Терновским, сыном причетника села Слободки, окончившим в 1885 году семинарию. Написанная им летопись относится к другому приходу — к селу Мстиславская Слободка Дорогобужского уезда (*Терновский* 1887: 971). Как отмечает редакция, работа над летописью шла не более полугода, но труд вышел «вполне обстоятельный». При сопоставлении фрагментов с описанием избы можно отметить ряд характерных элементов, которые практически идентичны и повторяют друг друга. Схожестью обладает сама структура описания, применяемая в обоих отрывках. Можно предположить, что при составлении летописи Мстиславской Слободки Александр Терновский включил в нее описания из более ранней летописи села Пушкина. В таблице одинаковые элементы выделены курсивом и пронумерованы автором.

Схожесть описания домашнего быта

Село Пушкино (1878 г)

1) *Полы в доме у них никогда не моются и нет обыкновения мыть.* 2) *Когда же нарастёт на полу много грязи, тогда они берут железную лопату, поскребут немножко грязь, пометут веником (эта заботливость, кстати нужно заметить), 3) происходит только пред великим праздником) и дело с концом.* В зимнее время, особенно, часто можно встречать в избах их неприятное зрелище: 4) *на полу — в грязи как-пало валяется целая куча ребятишек, оборванных, полунагих, босых*

Село Мстиславская слободка (1887 г)

1) *Мыть полы при таком положении нет возможности, — да у них и в обыкновении этого нет.* Грязь с полу на ногах переносится на печь и нары — их постели. Словом, где ни посмотришь, везде находится грязь. Побывать в такой избе не выпачкаться — нет никакой возможности. 2) *Когда уже накопится слишком много грязи, тогда хозяйка берет железную лопатку, поскребет, пометет и дело с концом.* Но и это 3) *делается только пред большими праздниками Рождеством*

и грязных; здесь в соседстве с ними кормится семья свиней, телята, ягнята, вследствие чего 5) *воздух бывает в избах до того удушлив, что без привычки дышать им нет никакой возможности, они же переносят спокойно* и без ущерба здоровью.

Христовым и Пасхою. Тут же в избе под столом лежит несколько собак, в углу под лавкою увидим овец с ягнятами и телятами, 4) *среди избы можно встретить целую кучу ребятишек полунагих и грязных ползающих в грязи*, а рядом с ними и свиньи с поросятами. При такой обстановке 5) *воздух в избах бывает до того удушлив, что без привычки нет никакой возможности дышать им, а крестьяне переносят* — по привычке ли, или уже по необходимости.

Этнографические сведения в приходских летописях Смоленской губернии

Наиболее богата сведениями этнографического характера третья часть летописей, называемая «О приходе». Она начинается с установления границ прихода и описания географических условий, содержит статистические данные о количестве населения мужского и женского пола, количестве дворов, сведения о рождаемости и смертности.

В отличие от многих статистических документов второй половины XIX века, приходские летописи содержат указание на этнический характер населения. Для Смоленской губернии было характерно деление населения на великорусов и белорусов. Граница расселения в целом совпадает с той, что привел Г. Соловьев в «Сельскохозяйственной статистике Смоленской губернии»: Вяземский, Юхновский, Гжатский, Сычевский и Бельский уезды населены великорусским племенем, оставшаяся большая часть губернии населена белорусами (Соловьев 1855: 94). Однако анализ приходских летописей показывает, что этническая картина была довольно размыта: четкой линии расселения провести невозможно, в уездах с великорусами находятся приходы, население которых священники относят к белорусам, и наоборот.

Священники не всегда уверены, к какому народу отнести жителей прихода, а этническую принадлежность определяют по внешним признакам, таким как язык или одежда. Расплывчатый характер этнической идентичности хорошо заметен в следующих замечаниях: «Прихожане — по языку и обычаям — от ближайшего соседства с Белоруссию племени более Белорусского» (Михаловский 1871: 833). В некоторых случаях священники затрудняются дать этническую принадлежность: «Какого происхождения или племени прихожане села Заозерья, определенно сказать невозможно: нельзя назвать их чисто белоруссами, или великоруссами; произношение слов у них (крестьян) совсем чистое... более же всего в произношении слышится польский выговор» (Кулагин 1874: 321).

С этническим признаком соотносится физический облик крестьян. Авторы отмечали, что великорус отличается крепким телосложением, красотой, безразличием к климатическим условиям. Характер его сильный и крепкий, но грубый. Священники находили оправдание такому характеру смоленского крестьянина в природных условиях, в которых тому приходится жить: «Они, весь свой век, обращаясь с землею да камнями, ... сами получили отпечаток этих предметов» (Воскресенск 1875: 267). Вслед за заключениями этнографов, публиковавших свои очерки о белорусах, священники писали о том, что белорус худощав, с острым носом и светлыми волоса-

ми, длинной шеей, узкой грудью, в движениях его нет особой легкости и поворотливости, но во время срочных работ бывает энергичен (*Кулагин* 1874: 321; *Конокотин* 1878: 451; *Терновский* 1887: 969). Подчеркивается, что белорус труднее расстается с домом, малообщителен, не склонен к другим занятиям, кроме земледелия и лесной промышленности. В песнях белорусов слышится тоска по родине, они доверчивы ко всяким вымыслам. В таких описаниях отчетливо проступает клишированность и опора на уже устоявшуюся в литературе и краеведческих очерках традицию.

В некоторых случаях присутствовала попытка объяснить особенности характера через социально-исторические и культурные условия, хотя анализ «натуры» продолжал оставаться довольно поверхностным. Крестьяне села Клушино Гжатского уезда, по оценке их пастыря, особой энергии не имели и были очень тяжелы на подъем: «В этом проглядывается натура ненормальная, загнанная, забитая, может сотнями лет, в течении жизни целых поколений. Татарское иго, или целый ряд бедствий и бедности пригнули натуру Клушинского прихожанина» (*Львов* 1875: 630).

По оценке священников, крестьянское население отличалось прилежностью в делах веры, часто посещало службы, слушало с удовольствием проповеди и жизнеописания святых. Однако в связи с увеличением отходничества в крупные города, а также в селах, расположенных вблизи уездных центров, ослабевала связь прихожан с церковью. Тем не менее повсеместно в дни «святой седмицы» — Пасхи — и на храмовые праздники в крестьянских домах проходили молебны. Среди наиболее часто почитаемых святых, которым просили отслужить молебны, были Св. Николай и Св. Параскева. Во многих приходах (преимущественно с белорусским населением) проводился обряд, известный как «никольская свеча». При разных бедствиях, таких как засуха, эпидемии, падеж скота, крестьяне просили священников провести не только молебен в церкви, но и на полях.

Несмотря на высокую религиозность, священники отмечали существование, особенно в прежние времена, самых темных суеверий: вера в домовых и лесовых, водяных и полевых, в русалок, в колдовство и наговоры. В каждые заговины (последний день перед продолжительным постом) крестьяне села Даньково после семейного ужина клали на тарелку остатки от трапезы и оставляли ее на верее (столб в звене забора) для угощения домового, чтобы он был добрее к хозяевам (*Михаловский* 1871: 838). Повсеместно было особое отношение к пятнице. В этот день крестьяне не занимались такими видами работ, как прядение, не пахали и не сеяли ржи. Понедельник считался несчастным днем, потому никакое дело не начиналось. Крестьяне верили в существование «бродячих душ» — тех, кто умер раньше срока или не своей смертью. Эта категория покойников известна как «закладные». Это были самоубийцы, утопленники, отравившиеся и т. д. По крестьянским повериям, такие покойники могли ходить по селениям и вредить живым людям (*Воскресенск* 1875: 382). Чтобы прекратить хождения мертвеца, необходимо было вбить осиновый кол в могилу, тогда он уже не мог ее покинуть (*Терновский* 1887: 935).

Священникам свойственна тенденция рационализировать проявления крестьянских суеверий, объясняя их существование крепостью традиции, недостатком образования, замкнутостью образа жизни и недоступностью информации и опыта другого вида. Священник села Воскресенска указывал, что суеверные представления крестьянам передали их отцы и матери с малых лет и подкрепили их своими словами, что «вот мол мой батюшка или матушка сами видели домового» (*Воскре-*

сенск 1875: 382). Крестьяне в болезнях прибегали к помощи знахарей не столько от своей «темноты», но больше из-за недоступности медицинской помощи, а также из-за дороговизны аптекарских средств. Знахарь же обычно просил лоскут полотна, ковригу хлеба, кусок мяса или сала, что вполне подъемно по крестьянским меркам (*Качевский* 1875: 491).

Однако там, где население более активно занималось отходничеством или было связано с городом, суеверия изживали себя быстрее: «Нынче ничему не верят. При таком настроении, самые колдуны перевелись; с истреблением лесов исчезли и русалки, и игры в честь их» (*Лызлов* 1873: 576). Как отмечали священники, знахари предпочитали не афишировать свои знания, им уже не оказывалась былая честь: «Уже не занимают первого места на празднествах и вечерах, как бывало прежде» (*Лосевский* 1872: 845).

В целом, уровень образованности среди крестьян Смоленской губернии был невысоким. Приходские училища стали появляться в большинстве случаев только во второй половине XIX века. Однако стоит отметить, что необходимость в образовании стала осознаваться крестьянами, поэтому в некоторых деревнях крестьяне, которые не могли послать детей учиться грамоте из-за отдаленности деревни от приходского училища или вовсе из-за его отсутствия, нанимали отставного солдата или другого грамотного крестьянина с тем, чтобы он обучил их детей чтению, псалтырю и письму. В итоге, «грамотность в приходе довольно быстро распространяется и грамотных в каждой деревне можно найти более 5-ти человек» (*Вишневецкий* 1873: 231). Крестьяне компенсировали отсутствие образования своим опытом и рассудительностью. Эти качества часто отмечали составители летописей. Кроме того, именно из среды крестьян помещики выбирали себе управляющих имениями, старост и «бурмистров». Крестьяне села Ильинского, служившие управляющими помещьем, были неграмотными и при необходимости ставили подпись в виде трех крестов во имя Св. Троицы (*Брянцев* 1871: 513).

Помимо благоразумия и рассудительности смоленские крестьяне отличались трудолюбием и нищелюбием. Раздача кусочков хлеба тем, кто «пошел по миру», делалась хозяйкой, всегда «соображаясь с своими средствами и силами, а многие и с расчетами» (*Лосевский* 1872:823). Зажиточные крестьяне села Ляпкина Бельского уезда в голодные годы раздавали нуждающимся не только хлеб, но и деньги. Крестьяне оказывали друг другу помощь в дни несчастий, например, при пожаре, а также в случае смерти работника, когда семья не могла одна справиться с работами в поле. Также односельчане помогали провести достойные поминки по умершему родственнику бедной семье, поскольку такая помощь рассматривалась как последняя дань умершему.

Для историко-статистических описаний, опубликованных в «Смоленских епархиальных ведомостях», уже не свойственна идеализация крестьянского мира, характерная для первой половины XIX века в сочинениях этнографов. Священники вполне осознавали пороки смоленского крестьянства. В качестве таковых наиболее часто отмечались раздоры в семье и пьянство. Ни одно значимое событие, ни один праздник не обходился без употребления водки, потому обычным явлением было, когда пьянство переходило в разгул. Однако стоит отметить, что уровень преступности по селам был чрезвычайно низким. Сообщения о кражах в приходах чрезвычайно редки, а случаи убийств и вовсе не упоминаются. Также редким явлением,

особенно для отдаленных приходов, было наличие «гулящей девки». Женщины старались хранить супружескую верность. Однако обращает на себя внимание то закономерное обстоятельство, что с увеличением отходничества в крупные города в приходах не только уменьшается количество бытовавших суеверий, но и резко падает нравственность.

В 1870–1880-е годы священники с печалью констатировали невысокий уровень крестьянского благосостояния. Типичной является фраза: «Первоначально прихожане ... жили лучше и богаче, нежели впоследствии» (*Брянцев* 1871:513). Причиной ухудшения материального положения крестьян являлся недостаток земли, поскольку после отмены крепостного права крестьянский надел составил меньше трех десятин на душу (село Ильинское Сычевского уезда). Не хватало не только пахотных угодий, но и покосов и пастбищ. По мнению священников, земледелие не приносило доходов и едва было способно прокормить крестьянина. В тех местах, где мужчины занимались отходничеством, все полевые работы ложились на плечи женщин, которые при всем старании не могли выполнить весь тот объем работ, который был необходим. Помимо ржи и овса, крестьяне высаживали коноплю и лен. Лен приносил высокий заработок, поскольку цены на него были довольно высоки, но за несколько лет он истощал землю. После льна требовалось внесение удобрений, иначе начинались неурожаи. Бедой крестьян была нехватка дров для отопления. При крепостной зависимости помещики разрешали брать дрова из своих лесных владений, в том числе для постройки домов. С отменой крепостного права во многих селах такая договоренность была ликвидирована.

Одна из главных причин падения уровня благополучия, по мнению авторов летописей, были семейные разделы. Крестьянские семьи делились не только на два, но порой и на три-четыре двора, в которых оставалось по одному мужчине, а потому для успешного ведения хозяйства семье не хватало работников. Главная причина разделов с точки зрения приходских священников — это ослабление патриархальности и увеличение семейных раздоров. Священник села Клушино Гжатского уезда полагал, что виною разделов является женская сварливость: в борьбе за власть в доме женщины начинают подбивать мужчин на отделение (*Львов* 1875:629).

Вместе с неурожаями и разделом хозяйств крестьянские семьи все больше разорялись. В некоторых местностях выход находился в виде отхожих промыслов, часто носивших сезонный характер. Так, крестьяне села Ильинского в зимнее время занимались извозом хлеба и устройством барок на реке Гжати. Из села Гривы Сычевского уезда мужчины отправлялись работать на фабрики и заводы не только Смоленска, но и в обе столицы. В Бельском уезде распространенным видом отходничества был сплав леса в город Белый. Среди упоминаемых ремесел встречаются плотничество, бондарство, изготовление колес и саней, гонка дегтя. Гривские каменотесы изготавливали по рисункам и чертежам могильные памятники, а затем продавали их в Вязьме, Гжатске, Смоленске. Крестьяне села Ляпкина, поправившие свое материальное состояние на возке леса, перестали строить черные курные избы, заменив их чистыми светелками, вместо лаптей мужчины начали ходить в сапогах, а у женщин появились башмаки, одежда стала нарядней.

Заключение

Для историко-статистических описаний приходов характерна определенная двойственность. С одной стороны, приходские летописи строились по заранее заданному образцу и заносимая в них информация отвечала формальным признакам, изложенным в инструкции. С другой стороны, степень насыщенности материалов была разной, многие авторы подходили к процессу ответственно и заносили свои личные наблюдения и мнения относительно крестьянского населения приходов, проводили попытки анализа и сопоставления, тем самым их деятельность сближалась с работой этнографа-собираателя.

Создаваемый приходскими летописями образ смоленского крестьянства в целом отличался положительной окраской. Крестьяне наделялись такими чертами, как религиозность, трудолюбие, благоразумие и рассудительность, милосердие, нищелюбие и отзывчивость как готовность оказать помощь. В 70–90-х годах XIX века в крестьянской среде продолжали бытовать многочисленные суеверия, но под внешним влиянием (рост числа образованных, смена социальной среды и т. д.) они уменьшались. В отличие от этнографической литературы данного периода, использующей метод сравнения, приходские летописи не содержат прямых сравнений двух этносов — великоруссов и белоруссов — но создают узнаваемые образы их представителей, воспроизводя типичные черты народов с точки зрения господствовавших этнических стереотипов.

Источники и материалы

- Брянцев* 1871 — *Брянцев И.* Церковно-приходская летопись села Ильинского // Смоленские епархиальные ведомости. 1871. № 14. С. 477–515.
- Вишневский* 1873 — *Вишневский А.* Летопись села Дровнина Гжатского уезда Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. 1873. № 6. С. 218–232.
- Воскресенск 1875 — Историко-статистическое описание прихода села Воскресенска Юхновского уезда Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. 1875. № 9. С. 267–276.
- Несколько слов 1869 — Несколько слов о приходских летописях // Смоленские епархиальные ведомости. 1869. № 21. С. 273–281.
- Качевский* 1878 — *Качевский В.* Историко-статистическое описание прихода села Ляпкина Бельского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1875. № 16. С. 483–493.
- Конокотин* 1878 — *Конокотин А.* Летопись села Пушкина Дорогобужского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1878. № 19. С. 527–539.
- Кулагин* 1874 — *Кулагин М.* Историко-статистическое описание прихода села Заозерья Бельского уезда Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. 1874. № 8. С. 307–326.
- Лосевский* 1872 — *Лосевский П.* Историко-статистическое описание прихода села Будина (Попова) Бельского уезда Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. 1872. № 24. С. 843–853.
- Львов* 1875 — *Львов А.* Историко-статистическое описание прихода села Клушина Смоленской губернии Гжатского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1875. № 21. С. 621–631.
- Лызлов* 1873 — *Лызлов А.* Историко-статистическое описание прихода села Гривы Смоленской епархии Сычевского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1873. № 14. С. 565–588.

- Михаловский* 1871 — *Михаловский А.* Церковно-приходская летопись Николаевской села Данькова церкви смоленского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1871. № 23. С. 827–846.
- Розанов* 1882 — *Розанов А. И.* Записки сельского священника: быт и нужды православного духовенства. СПб: Исторический журнал «Русская старина», 1882. 324 с.
- Соловьев* 1855 — *Соловьев Я. А.* Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М.: изданием Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с.
- Терновский* 1887 — *Терновский А.* Историко-статистическое описание прихода села Мстиставской Слободки, Смоленской губернии, Дорогобужского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1887. № 20. С. 969–977.
- Энгельгардт* 1956 — *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1956. 490 с.

Научная литература

- Добренский С. И.* Церковно-приходские летописи Никольского уезда Вологодской губернии второй половины XIX — начала XX века // Никольская старина: Исторические и этнографические очерки / Отв. ред. С. А. Тихомиров. Вологда: Древности Севера, 2000. С. 356–382.
- Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/vera-i-progress-pravoslavnoe-selskoe-duhovenstvo-rossii-vo-vtoroj-polovine-19-nachale-20-vv/4 (дата обращения 10.03.2021).
- Миронова А. А.* Нарративность церковно-приходских летописей XIX в.: объективное и субъективное // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 3 (437). С. 81–86.

References

- Dobren'kii, S.I. 2000. Tserkovno-prihodskie letopisi Nikol'skogo uezda Vologodskoi gubernii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Church and parish chronicles of Nikolsky Uyezd, Vologda Province, the second half of the 19th — early 20th centuries]. In *Nikol'skaia starina: Istoricheskie i etnograficheskie ocherki* [Nikolskaya starina: Historical and ethnographic sketches], edited by S. A. Tihomirov, 356–382. Vologda.
- Leont'eva, T.G. 2002. *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv.* [Faith and Progress: Orthodox Rural Clergy in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. M. 2002. https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/vera-i-progress-pravoslavnoe-selskoe-duhovenstvo-rossii-vo-vtoroj-polovine-19-nachale-20-vv/4
- Mironova, A.A. 2020. Narrativnost' tserkovno-prihodskikh letopisei XIX v.: ob'ektivnoe i sub'ektivnoe [Narrativity of 19th-century parish chronicles: objective and subjective]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3: 81–86.